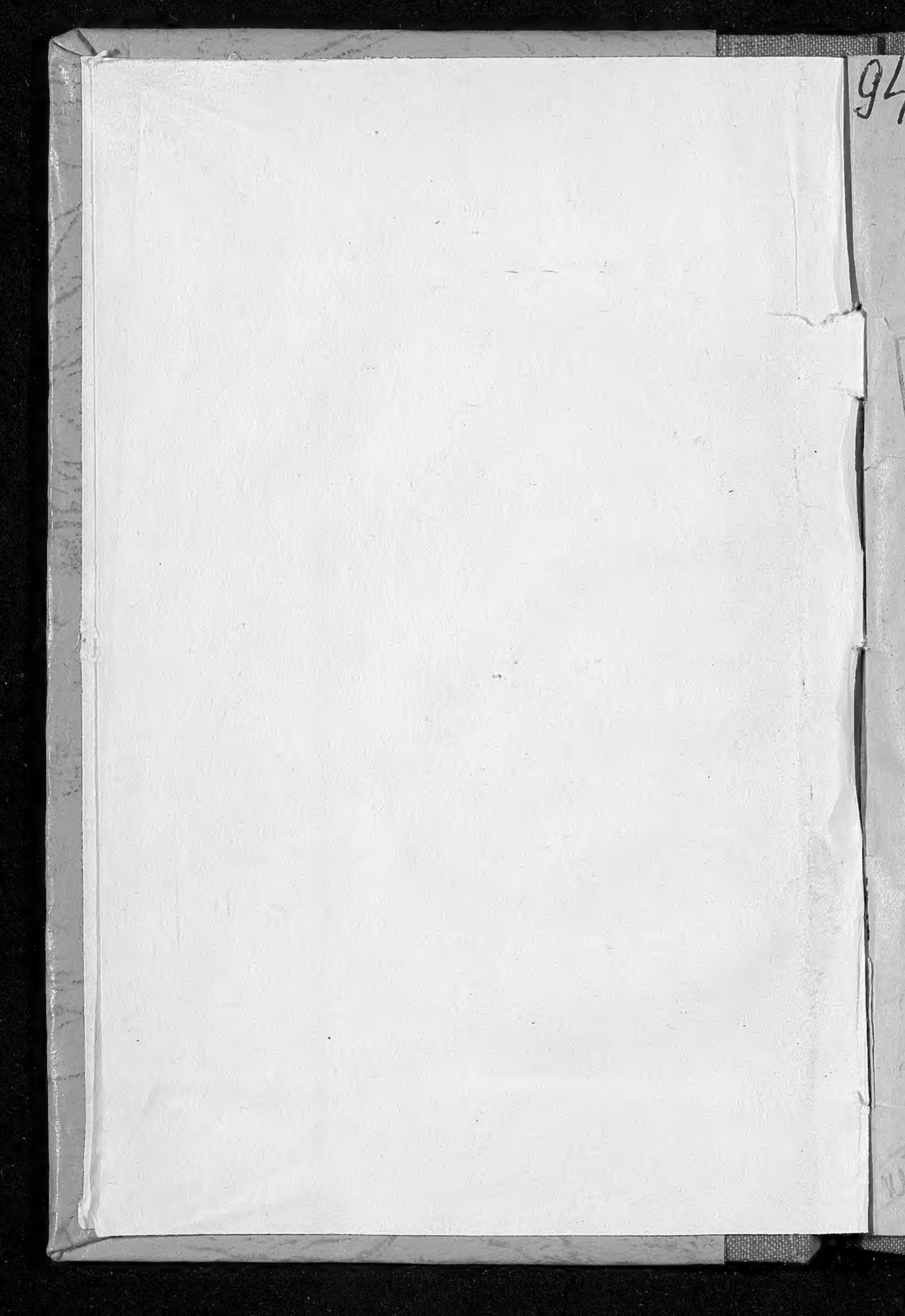

КЪ НАРОДУ

нѣсколько словъ

ПО ПОВОДУ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РАСПУЩЕННОЙ ДУМЫ

и предстоящихъ выборовъ

ВЪ НОВУЮ ДУМУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

КЪ НАРОДУ

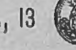
нѣсколько словъ

по поводу дѣятельности распущенной Думы

и предстоящихъ выборовъ

ВЪ НОВУЮ ДУМУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, даннымъ 8-го іюля, Государственная Дума распускается съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на 20-ое февраля 1907 года. Болѣе чѣмъ какое-либо другое, это событіе, крайне знаменательное въ ряду всѣхъ событій нашей современной русской жизни, нуждается въ безпристрастномъ освѣщеніи. Несомнѣнно, что оно явится предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ толкованій. Въ своихъ одностороннихъ, пристрастныхъ сужденіяхъ, политическія партіи разнесутъ по всей Россіи самые разнообразные по поводу него толки, и нужно ожидать, что среди другихъ рѣзко проявится къ нему отношеніе, какъ къ событію, знаменующему собою то, что Правительство наше отказывается отнынѣ отъ всякаго дальнѣйшаго общенія съ народомъ и, назначая срокомъ новаго созыва Думы 20-ое февраля 1907 г.— время столь отдаленное, стремится лишь этимъ скрыть свою игру, которая клонитъ къ тому, чтобы возстановить, во всей своей силѣ, пресловутый «бюрократическій» произволъ прежнихъ старыхъ временъ. Въ виду этого, крайне важно отнестись къ событію этому со всѣмъ безпристрастіемъ, установить на него возможно правильный взглядъ, и дать этому послѣд-

нему возможно широкое распространеніе, дабы каждый оказался въ состояніи ранѣе нежели принять окончательно точку зрѣнія, навязываемую крайними толкованіями, сравнить оную съ предлагаемою и такимъ образомъ лишній разъ провѣрить правильность своихъ выводовъ, ихъ согласованность съ совѣстью.

Государственная Дума явилась на свѣтъ Божій отвѣтомъ на вопросъ: что думаетъ, что хочетъ, что терпитъ русскій народъ. Народъ призывался, въ лицѣ своихъ представителей, своихъ лучшихъ людей, повѣдать о своемъ горѣ, о своихъ нуждахъ, подѣлиться своими думами о его же благѣ, о благѣ «русскаго» народа. И вѣрилось, что Государственная Дума, принося съ собой коренное знаніе русской жизни, свободную исповѣдь совѣсти народной, явится могучимъ подспорьемъ нашей правительственной дѣятельности, успѣхъ которой, именно, прежде всего зависитъ отъ того, насколько опирается она на дѣйствительное, никакими превратными освѣщеніями не искажаемое, земское знаніе народной жизни, ея коренныхъ нуждъ и потребностей. Со всѣхъ сторонъ стекаясь, мудрость народная, провѣренная житейскимъ опытомъ «лучшихъ людей», казалось, создастъ могучій порывъ просвѣщенной мысли, который одухотворитъ эту нашу правительственную дѣятельность, оживитъ ее своею свѣжею струею и въ результатѣ — умалится нужда народная и водворятся у насъ начала права, свободы и порядка.

Государственная Дума, однако, имѣла прежде всего — быть думою *русскаго народа, дѣйствительно представляющею мысли, чувства и совѣсть этого народа.*

Отвѣчая на призывъ своего Царя, русскій народъ радостно откликнулся на идею Думы, но откликнулся на идею Русской Думы, способной дѣйствительно, «съ подлиннымъ вѣрно», и безъ прикрасъ, перевести его чувства и мысли. Сердцемъ и душою, единящійся со своимъ Государемъ, онъ не можетъ желать у себя во главѣ, у Царскаго престола, Думу говорящую языкомъ, непонятнымъ его чувствамъ и сердцу и въ роспускѣ, починомъ Царскимъ, учрежденія, показавшаго себя явно чуждымъ ему по духу, можетъ привѣтствовать лишь новое яркое проявленіе того глубокаго, проникновеннаго взаимопониманія, которое съ исконныхъ временъ единило Русскихъ Царей съ ихъ народомъ, и дѣлало изъ нихъ истыхъ истолкователей чувствъ и настроеній этого народа. Въ томъ составѣ, въ какомъ она явилась впервые на лоно русской жизни, время теперь это громко сказать, *распущенная нынѣ Дума не оправдала тѣхъ надеждъ и ожиданій, какія на нее возлагались Русскимъ Царемъ и народомъ.* Она заговорила языкомъ, который не нашелъ отклика въ сердцѣ этого народа и былъ осужденъ его совѣстью, которая, минутами, частично можетъ заволочься, но въ массѣ народной незыблемо сохраняется во всей своей чистотѣ и, настойчиво предуказуя называть вещи ихъ именами: грабежъ называть грабежомъ, убійство—убійствомъ, всегда одинаково рѣзко осуждаетъ таковыя. Народъ не могъ мириться съ учрежденіемъ, хотя и поставившимъ своею цѣлью святую цѣль его блага, но дерзнувшимъ отъ его лица творить явно противное его совѣсти. Вся же дѣятель-

ность Государственной Думы *явилась грубымъ попраніемъ этой совѣсти народной.*

Такъ тщетно одинокій голосъ — голосъ вдохновлявшійся несомнѣнно всѣмъ тѣмъ, что, въ смыслѣ побужденій, есть у насъ лучшаго въ народѣ, призывалъ составъ Думы вынести рѣзкое осужденіе всякому пролитію крови, чьею бы рукою таковое ни причинялось. Дума осталась глухою къ этому призыву и голосъ этотъ остался вполнѣ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И та же самая Дума, которая ничѣмъ не стѣсняла своего бурнаго негодованія по адресу Правительства, примѣнявшаго въ предѣлахъ и на основаніи закона смертную казнь, тутъ же рядомъ, съ какимъ-то грубымъ злорадствомъ, проявляла мертвенную безчувственность, какъ только вопросъ съ дѣятельности Правительства переносился на дѣятельность преступныхъ негодяевъ, съ безчеловѣчною жестокостью примѣнявшихъ, противъ скромныхъ и безотвѣтственныхъ исполнителей служебнаго долга, въ попраніе закона и нарушеніе самыхъ основныхъ, святыхъ правъ человѣка на жизнь, — смертную казнь съ низу — политическое убійство. Упорно, на всѣхъ засѣданіяхъ, обходитъ Дума глухимъ молчаніемъ всѣ случаи жесточайшихъ злодѣяній, безпримѣрныхъ звѣрствъ. Съ наглою и беззастѣнчивою откровенностью афишируетъ (обнаруживаетъ) она свою игру, которая имѣетъ въ своемъ расчетѣ терроръ, панику представителей правительственной власти. И *тяжкій страшный грѣхъ беретъ на себя Дума: душитъ свободное проявленіе совѣсти народной и открыто мирясь съ злодѣяніемъ, протягиваетъ руку убійцамъ,* которые и

безъ того уже ободренные въ своей кровавой дѣятельности, развернувшеюся передъ ними на почвѣ всѣхъ толковъ объ амнистіи, перспективою безнаказанности, проявляютъ теперь эту дѣятельность съ новою силою. *Мы утверждаемъ, что Дума, такимъ своимъ образомъ дѣйствій, такимъ проявленіемъ явнаго, циничнаго, грубаго пристрастія въ дѣлѣ, которому болѣе чѣмъ что-либо претитъ подобное пристрастіе,—въ дѣлѣ, которое есть дѣло одной только святой народной совѣсти, обнаружила свою полную отчужденность въ отношеніи народа, у котораго одна совѣсть, а не нѣсколько, и который «всенародно», съ одною этою коренною совѣстью ни въ какія сдѣлки не пойдетъ.*

Всѣмъ составомъ своимъ, Государственная Дума, эта «по принадлежности» и прежде всего представительница совѣсти народной, сочла умѣстнымъ горячо проявить свое участіе къ несчастнымъ жертвамъ Бѣлостокскаго погрома, того погрома, который вопреки мудрому, все, опять таки, тому же одинокому голосу, намѣренно клеймится слѣдствіемъ пресловутой, провокаторской дѣятельности Правительства.

Такимъ участіемъ своимъ къ жертвамъ этого страшнаго погрома, она явилась лишь выразительницею того участія которое проявилъ къ нимъ весь Русскій народъ. Но тутъ-же она этотъ народъ погрузила въ глубокое недоумѣніе, оставаясь холодною и безучастною къ участи тысячей жертвъ каждодневныхъ погромовъ и злодѣяній, правда не еврейскихъ, но отъ того не менѣе преступныхъ, отвратительныхъ и звѣрскихъ. Наконецъ, *почти поголовно всѣмъ составомъ своимъ*, за самымъ малымъ исключеніемъ,

покрывшимъ славою «истыхъ представителей нашего народа» тѣхъ, кто его составилъ и кто смѣло вступился за честь и достоинство этого народа—*молчаливо принимаетъ она мнѣніе о русскомъ солдатѣ*), произноситъ которое съ трибуны Государственной Думы значило дерзко и нагло оскорблять весь Русскій народъ*, грубо издѣваться надъ его достоинствомъ, достоинствомъ того, кто есть прежде всего Русскій человѣкъ—Русскій солдатъ. Мы утверждаемъ, что *дерзнувшій съ народной трибуны, которая есть трибуна для представительства народныхъ мнѣній, а не мнѣній всякихъ «господиновъ» Якубсоновъ, дерзнувшій съ этой трибуны, какъ бы отъ лица всего народа, заявить такое мнѣніе— «бросилъ оскорбленіе въ лицо всему этому народу»,— совершилъ тяжкое преступленіе противъ достоинства и чести этого народа, что онъ не есть, тѣмъ самымъ, и не смѣетъ почитаться представителемъ этого народа, у котораго неотъемлемое право за такое дерзкое свое оскорбленіе призвать преступнаго въ немъ къ отвѣту.* И мы не менѣе утверждаемъ, что *нравственной связи представительства*

---

*) «Русскій солдатъ привыкъ избѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ стрѣляютъ». Слова эти были произнесены на одномъ изъ засѣданій Государственной Думы, бывшимъ членомъ ея, евреемъ Якубсономъ и встрѣтили протестъ лишь день спустя, отъ лица лишь двухъ депутатовъ Стаховича и Способнаго. Почти поголовно, всѣмъ составомъ своимъ, Госуд. Дума поддержала депутата Якубсона, который въ отвѣтъ на протестъ Стаховича счелъ только нужнымъ оговориться, что онъ все же русскую армію уважаетъ, потому де «еврейская національность представлена въ ней въ совершенно достаточной мѣрѣ».

нѣтъ между всѣми поддержавшими такого депутата и народомъ и что допускать таковую, значитъ не менѣе поносить и оскорблять этотъ народъ.

И долго испытававшійся въ своемъ терпѣніи, послѣдній, въ правѣ былъ, наконецъ, съ негодованіемъ спросить, гдѣ же во всѣхъ этихъ проявленіяхъ двухмѣсячной дѣятельности Думы, *не упускавшей въ то же время старательно смущать его всякими несбыточными перспективами расширенія земельнаго владѣнія, осуществленнаго не столько законнымъ порядкомъ, сколько грабежомъ, пожарами «иллюминаціями» и захватомъ*, гдѣ же слѣды ея національности, слѣды духа, разума, совѣсти Русскаго народа. Могъ ли этотъ послѣдній, съ отеческою нѣжностью первоначально отнесшійся къ новорожденной Думѣ, теперь, когда такъ явно обнаружилась глубокая, въ отношеніи его, отчужденность этого учрежденія, казавшагося теперь какимъ-то нравственнымъ уродцемъ, выкидышемъ, могъ ли, спрашиваемъ мы. онъ сохранить свое довѣріе къ этимъ самозваннымъ, почти поголовно, за самымъ малымъ, хотя свѣтлымъ исключеніемъ, не «русскимъ духомъ» «его представителямъ», къ этимъ членамъ какой угодно, инородческой, но не «Русской» Думы, въ которой, правда, рьяно произносились рѣчи отъ лица «Русскаго» народа, но произносились на языкѣ, осужденномъ совѣстью этого народа. Въ глубокомъ, проникновенномъ единеніи со своимъ народомъ, Государь Императоръ разрѣшилъ этотъ болѣзненный вопросъ такъ, какъ подсказало ему его чуткое знаніе души и сердца этого народа и распустилъ Думу. Но роспуская эту самозванную, потерявшую свое значеніе представляю-

щей народъ, Думу, Царь, твердо и на всю Россію еще разъ подтвердилъ непоколебимое свое намѣреніе сохранить въ силѣ основной законъ объ учрежденіи этого установленія. И призывая насъ, какъ «отецъ своихъ дѣтей» сплотиться съ нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей святой Родины, Онъ, съ вѣрою въ милость Божію и въ разумъ Русскаго народа, ждетъ теперь отъ новаго состава Государственной Думы осуществленія ожиданій Своихъ *И Дума должна возродиться. Но должна именно возродиться непремѣнно въ новомъ, обновленномъ своемъ составѣ, въ которомъ не должно быть мѣста, за самыми малыми исключеніями, ни одному изъ членовъ распущенной нынѣ Думы.* И это не потому, чтобы народъ сомнѣвался въ томъ, что были они движимы наилучшими побужденіями и руководимы наибезкорыстнѣйшими соображеніями одного только общественнаго блага. Народъ въ этомъ отношеніи готовъ быть къ нимъ даже болѣе великодушнымъ, чѣмъ были они въ отношеніи нашихъ министровъ, которымъ всѣми силами и не брезгая никакими средствами, тщательно старались они создать репутацію безчестныхъ. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, «что» хотѣли они осуществить, а дѣло въ томъ, «какъ» хотѣли они это осуществить и, *поскольку не проявляли они никакой брезгливости въ выборѣ средствъ, поскольку не гнушались ни клеветою, ни ложью, ни преднамѣреннымъ, умышленнымъ искаженіемъ фактовъ, ни завѣдомою пристрастностью, все—средства, съ искони вѣковъ, осужденныя совѣстью Русскаго народа, постолько нѣтъ, не можетъ и не должно быть къ нимъ больше довѣрія у этого народа,* который

желаетъ Думу, но прежде всего такую, которая была бы дѣйствительно Думою лучшихъ людей, Думою дѣйствительно представительницею всего того, что въ смыслѣ чувствъ, мысли, сердца, побужденій—есть въ немъ лучшаго!..

Не можетъ быть больше къ нимъ довѣрія у народа, *который привыкъ бороться и будетъ бороться съ удвоенной энергіею, но желаетъ въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, за свое лучшее будущее, прежде всего бороться честно*, не призывая къ содѣйствію ни ложь, ни обманъ, ни грабителей, ни убійцъ и который опять таки, всенародно, никогда не раздѣлитъ несчастнаго заблужденія, что счастье и порядокъ могутъ быть куплены цѣною неискренности, происковъ, клеветы и лицемѣрія. Что же касается, наконецъ, дерзкаго и непристойнаго, поведенія членовъ распущенной Думы по адресу представителей нашей законной правительственной власти, которыхъ повидимому нестолько образъ дѣйствій ихъ задѣвалъ, сколько по поводу его рьяно осыпали они ихъ самою непристойною бранью, упуская при этомъ, что брань эта черезъ головы министровъ сыпалась на весь Русскій народъ, который привыкъ уважать свою власть, то Русскому народу умѣстно теперь только привѣтствовать, что таковому поведенію, срамящему народъ, положенъ наконецъ предѣлъ. Какою бы ни была власть просвѣщенною, удѣломъ всякой можетъ стать всегда оплошность, ошибка; всякая можетъ въ той или другой степени оказаться не на высотѣ своего призванія и у каждой должны быть специально уши, чтобы выслушивать самое тщательное обсужденіе своей дѣятельности. Такое строгое обсужденіе

образа дѣйствій, проводимаго правительствомъ, осуществляемое съ достоинствомъ, въ границахъ уваженія чужого мнѣнія, только благодѣтельно отразится всегда на ходѣ общественныхъ дѣлъ и есть неотъемлемое право народа, который въ лицѣ и чрезъ посредство своихъ лучшихъ представителей знанія и мысли, призванъ принимать участіе въ дѣлѣ государственнаго управленія,—дѣлѣ, котораго министры являются лишь оффиціальными представителями. Но такое обсужденіе, какъ бы ни было оно рѣзкимъ, ничего общаго не имѣетъ съ непристойною бранью, пересыпающею такими словами, какъ «воръ», «мерзавецъ», «убійца». Какъ Правительство Русскаго народа, каковымъ имѣетъ право быть только честное Правительство, Правительство наше не могло и, наконецъ, не имѣло права подъ страхомъ уронить себя въ глазахъ народа, безконечно терпѣть и мириться со всѣми тѣми гнусными выходками, по его адресу и обвиненіями (въ родѣ напримѣръ того, что министры-де охочи до займовъ, потому-де есть тутъ чѣмъ поживиться), какія ничего общаго со строгимъ обсужденіемъ дѣла не имѣютъ, но какія тѣмъ не менѣе съ грубою беззастѣнчивостью постоянно бросались ему въ лицо съ трибуны Думы. Очевидно окончательно потерявшіе голову, сбитые съ толку своимъ, столь льстившимъ имъ и такъ неожиданно давшимся правомъ выражать недовѣріе ненавистнымъ имъ представителямъ законной власти; «во-всю распахнувшіеся» г.г. члены «распущенной» Думы упустили изъ виду, что подобное «недовѣріе» *совсѣмъ не должно и не можетъ означать собою того, что сомнѣваются въ честности того лица, по адресу*

котораго оно выражается (на стражѣ этой послѣдней стоитъ независимая судебная власть) а означаетъ собою лишь то, что «недовѣряютъ» достаточной обоснованности тѣхъ взглядовъ, которые лежатъ въ основѣ его образа дѣйствій. Честность политическаго дѣятеля, разъ только вопросъ о ней, опираясь уже на явно и формально удостовѣренныя улики, не влечетъ за собою вмѣшательства судебной власти не можетъ *и не должна быть* предметомъ сужденій Думы, въ стѣнахъ которой всякая поэтому на ея счетъ рѣзкость всегда неумѣстна и безусловно недопустима. Пристойно ли учрежденію, призванному быть выразителемъ лучшихъ чувствъ народа, его разума, совѣсти, спокойнаго, серьезнаго отношенія къ дѣлу, благоразумія — унижаться до свободнаго проявленія чувствъ личной злобы, уязвленнаго самолюбія, мелочной мстительности,—чувствъ, которымъ, во всякомъ случаѣ, менѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, мѣсто въ этомъ почтенномъ учрежденіи, въ которое народъ посылалъ своихъ представителей не для непристойной брани и сводки лишнихъ счетовъ, а для дѣла, дѣла и одного только живого дѣла.

Если Дума, почти поголовно въ старомъ составѣ своемъ, грѣшила подобнымъ грубымъ, ребяческимъ непониманіемъ своихъ правъ и обязанностей, то на высшемъ Правительствѣ оставался его священный долгъ, передъ народомъ, на стражѣ чести и достоинства котораго оно прежде всего постановлено, положить предѣлъ такому грубому поруганію этой чести; которая такъ нагло задѣвалась теперь всею этою безсмысленною, мальчишескою бранью, которою, вопреки безмолвствованію судебной власти, преслову-

тые представители власти законодательной, рьяно осыпали представителей власти, не менѣе народной,— исполнительной. Обязанностью высшаго Правительства, поскольку за нимъ, какъ и за каждымъ уважающимъ себя русскимъ человѣкомъ, неотъемлемое право вѣрить, что русскій народъ еще не дошелъ до того, чтобы грубыхъ, безнравственныхъ циниковъ называть своими лучшими людьми — было предоставить народу возможность исправить свой первоначальный выборъ и въ новую палату послать способныхъ лучше и пристойнѣе представлять то, что въ немъ самомъ есть лучшаго и съ большимъ достоинствомъ соблюдать высокій санъ «представителя народнаго.

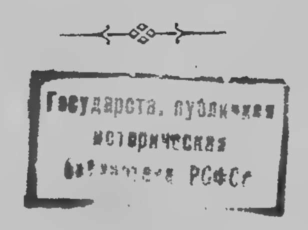
Да будетъ же отнынѣ каждый вдвойнѣ осторожень въ дѣлѣ выбора достойнаго представителя «русскаго» народа въ нашу будущую палату, которая отнынѣ, да будетъ дѣйствительно, а не только на бумагѣ, палатою «лучшихъ людей». Прошлое, горькимъ опытомъ безплодной, нервной, крикливой и бездарной дѣятельности тѣхъ, кого народъ еще такъ недавно, въ глубокомъ заблужденіи, звалъ своими «лучшими» людьми, показало, что дѣло выбора достойнаго представителя русскаго народа не есть простое дѣло, а есть дѣло трудное, требующее противъ всякаго другого вдвойнѣ напряженнаго къ себѣ вниманія, хотя-бы уже потому, что есть дѣло всего народа, его кровныхъ жизненныхъ интересовъ. Каждый изъ этихъ интересовъ долженъ быть представленъ. Должны быть выбраны представители всѣхъ взглядовъ. Каждый долженъ получить возможность высказаться и «своимъ совѣтомъ освѣтить великое, общее дѣло государ-

ственнаго строительства. Но пусть тотъ, кого русскій народъ пошлетъ проводить этотъ взглядъ въ будущую Думу, будетъ прежде всего человѣкомъ почтеннымъ, серьезнымъ, съ глубокимъ чувствомъ собственнаго достоинства, человѣкомъ способнымъ и умѣющимъ уважать чужое мнѣніе и умѣющимъ оспаривать извѣстную точку зрѣнія не ругательствомъ, а обоснованнымъ сужденіемъ, купленнымъ цѣною серьезнаго, житейскаго опыта.

Въ шесть долгихъ мѣсяцевъ есть времени осмотрѣться, приглядѣться, провѣрить свой выборъ; рѣшаясь на который, пусть каждый руководится прежде всего побужденіями *«уваженія къ человѣку»*, побужденіями, свободное и благотворное вліяніе которыхъ, скорѣе всего приведетъ насъ къ благодѣтельнымъ результатамъ и мы получимъ Думу, на этотъ разъ, дѣйствительную представительницу совѣсти народной. А это главное, чтобы прежде всего въ нашей будущей Думѣ была бы представлена эта совѣсть народная—страшная, могучая, несокрушимая сила, которою нашъ народъ дѣйствительно силенъ, какъ богатырь.

Н. Бенуа.

17 іюля 1906 г.

Цѣна 5 коп.

